

О.Г. Малышева,
А.В. Фатеев

Либералы и их роль в формировании Временного правительства

В статье рассматриваются вопросы возникновения, формирования и эволюции системы политических взаимоотношений Временного комитета Государственной думы и Временного правительства.

Ключевые слова: Государственная дума; парламентаризм; либералы; революция; Временное правительство.

Осенью 1916 года внутренняя ситуация в России накалилась до предела: проблемы, связанные с неудачами на фронтах Первой мировой войны, бедственным положением населения, недовольством действиями власти, усугубились противостоянием в обществе, вызванным нарастанием внутреннего кризиса. Гром разразился 1 ноября 1916 года, когда начала работу очередная сессия Государственной думы. Известное выступление с думской трибуны лидера кадетов П.Н. Милюкова, по его собственному признанию, стало «сигналом к штурму». Вопрос «Глупость или измена?», которым заканчивался каждый его выпад в сторону власти произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Тональность диалога между верховной властью и Думой еще больше накалилась в начале работы сессии нижней палаты в феврале 1917 года. Накануне этого верховная власть попыталась укрепить свои позиции. С этой целью главу кабинета А.Ф. Трепова отправили в отставку, назначив на его место князя Н.Д. Голицына, по характеристике современников, человека «очень неприятного, надменного, ни особого ума, ни талантов, да и вообще ничего за собой не имеющего для столь высокого поста и, особенно, в столь сложное время». Назначение это было встречено общим недовольством и недоумением даже в бюрократических сферах [9: с. 230].

Депутаты в свою очередь тоже готовились к открытию очередной думской сессии, намереваясь дать правительству и верховной власти решительный бой. Они по-прежнему требовали создания министерства «общественного доверия», император по-прежнему сопротивлялся. И все же настойчивость депутатов вынудила его дать обещание явиться в Думу 22 февраля 1917 года и объявить о даровании «ответственного министерства». Однако и эта, почти призрачная, возможность изменить ситуацию была упущена. Николай II решил отложить решение этого вопроса и отбыл в Ставку. Можно предположить,

что, как это бывало и прежде, он надеялся, что брожение в верхах и в обществе как-нибудь успокоится и все останется по-прежнему. Не обошлось.

Дума между тем продолжала работать, казалось бы, в обычном режиме. «Очередное заседание 25 февраля 1917 года продолжалось всего 46 минут и закончилось в полдень. Депутаты разошлись, постановив направить в думские комиссии по городским делам и местному самоуправлению законодательное положение “О передаче дела снабжения населения продовольствием городским и земским общественным самоуправлениям” для последующего его обсуждения в общем собрании 28 февраля» [За: с. 105]. Никто и не мог предположить, что это заседание Думы окажется последним в истории думской монархии.

25 февраля 1917 года протестные настроения столицы выплеснулась на улицы. Председатель Думы М.В. Родзянко направил императору тревожную телеграмму, в которой говорилось: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано... Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Промедление смерти подобно» [6: с. 299]. Император его не услышал.

26 февраля беспорядки в Санкт-Петербурге окончательно вышли из-под контроля власти, на улицах оказались толпы взбудораженных вооруженных людей, пролилась кровь: «около 200 демонстрантов были убиты и ранены в районе Невского проспекта, беспорядки имели место и в других частях города [За: с. 105].

«Председатель Совета министров Н.Д. Голицын, получив известие о расстреле, заручился согласием императора на объявление Сенатом указа о перерыве в работе законодательных палат до апреля» [За: с. 105]. Показательно, что даже в эти дни большинство министров высказались не за роспуск Думы, а только за объявление перерыва. Казалось, что деятельность Думы можно еще реанимировать. Одновременно с роспуском законодательных палат в столице было введено осадное положение.

Можно предположить, что перерыв в заседаниях Думы был объявлен для того, чтобы избежать осуждения репрессивных действий властей с думской трибуны. Для многих депутатов перерыв в работе Думы оказался неожиданным. Так, депутат от партии кадетов С.П. Мансырев еще 27 февраля спешил на утреннее заседание Думы по вопросам бюджетной политики. В самой Думе Мансырева поразило то, что «между членами Думы, бывшими во дворце в большом числе, не было ни одного сколько-нибудь значительного по руководящей роли: ни членов президиума, ни лидеров партий, ни даже главарей Прогрессивного блока. Остальные были столько же осведомлены, сколько и я, и, несмотря на то, что в течение еще по крайней мере двух часов во дворец пришло еще много думцев, все они сообщали лишь со слов других, сами не были очевидцами, и потому положение дела в наших глазах ничуть не выяснилось» [4: с. 101–102].

Утром 27 февраля в Думе был оглашен царский указ о перерыве в заседаниях палат. Совет старейшин Государственной думы призвал депутатов не расходиться.

Следует признать, что депутаты в этот момент продемонстрировали полную растерянность. Предложения их были весьма разнообразны: от инициативы открыть заседание Думы, игнорируя указ о роспуске, до поручения президиуму Думы вместе с секретариатом организовать власть, пользующуюся доверием военачальника. Звучали планы об объявлении Думы Учредительным собранием. Ни одно из этих предложений не было принято. В результате решили не разъезжаться из Петрограда, поручить совету старейшин сформировать особый комитет и определить дальнейшую роль парламентариев в происходящих событиях.

Первая реакция депутатов на известие о роспуске Думы была вполне предсказуемой. Не решаясь предпринимать самостоятельных действий, в середине дня 27 февраля ее председатель М.В. Родзянко вместе с А.И. Гучковым обратились к верховной власти. В телеграмме, составленной ими, они пытались убедить императора, что с роспуском Думы «положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уже будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии» [6: с. 299]. Но и на эту телеграмму ответа не было.

Последовавшие затем заседания депутатов, не подчинившихся царскому указу, в силу узаконенного перерыва в работе нижней палаты носили частный характер. Одно из таких частных совещаний избрало Временный комитет Государственной думы (далее — ВКГД) для сношения с учреждениями и отдельными лицами. Это были, по преимуществу, члены бюро Прогрессивного блока. В него вошли М.В. Родзянко, В.В. Шульгин, В.Н. Львов, Н.С. Чхеидзе, Н.В. Некрасов, П.Н. Милюков, М.А. Караулов, И.И. Дмитрюков, В.А. Ржевский, С.И. Шидловский, Б.А. Энгельгардт, А.И. Шингарев и А.Ф. Керенский. В Комитете были представлены все партии, за исключением крайне правых.

Членам нового выборного органа предстояло решить главный вопрос: вопрос о власти. Довольно трудно воссоздать правдоподобную картину событий тех дней и даже часов, в ходе которых этот вопрос обсуждался. Многочисленные воспоминания очевидцев и участников событий имеют яркую эмоциональную окраску. Однако можно предположить, что, получив возможность решать вопрос о власти, члены ВКГД растерялись. Решение вопроса о власти повисло в воздухе. Самим названием нового органа — «Временный Комитет членов Государственной думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями» — вошедшие в его состав депутаты как бы фиксировали намерение отказа от узурпирования власти. Название это подчеркивало непостоянный, ситуационный характер целей и задач, стоявших перед ним.

На следующий день, 28 февраля, получив из Петрограда известие о том, что восстание разгорается, войска переходят на сторону восставших, срочно необходимо ответственное министерство и только думские деятели, руководимые М.В. Родзянко, могут остановить всеобщий развал, император в телеграмме на имя последнего назначил его председателем Совета министров. Одновременно он предложил ему выехать навстречу императорскому поезду

для доклада. Позднее из объяснений представителей ближайшего окружения императора станет ясно, что имеется в виду под ответственным министерством. М.В. Родзянко предполагалось предоставить выбор только некоторых министров, а министры двора — военный, морской и иностранных дел — должны были назначаться по усмотрению государя императора, и все министерство должно было оставаться ответственным не перед Государственной думой, а перед Его Величеством. Однако даже эти половинчатые уступки императора оказались безнадежно запоздалыми. В Петрограде уже полным ходом шел процесс формирования новой власти.

При этом думские либералы, на словах всячески демонстрировавшие готовность взять власть в свои руки, на деле проявили поразительную беспомощность. Косвенным подтверждением тому служат «признания» А.Ф. Керенского, который писал о том, что всю ночь (с 27 на 28 февраля) члены Временного комитета «провели за обсуждением и спорами в кабинете председателя Думы, подвергая тщательному разбору все поступающие новости и слухи» [3: с. 125]. И это вместо принятия хоть каких-то мер по наведению порядка в городе, осуществления решительных, пусть на первых порах декларативных, шагов, словом того, чего депутаты долго и безуспешно добивались от поверженной власти. И только опасение того, что, если «мы немедленно не сформируем Временное правительство, незадолго созданный перед этим Петроградский Совет, провозгласит себя верховной властью России» [3: с. 125], заставило их действовать.

Вечером 27 февраля 1917 года председатель правительства князь Н.Д. Голицын уведомил М.В. Родзянко об уходе правительства в отставку. В момент образования Временного комитета части общества показалось, что вакуум власти вполне может быть заполнен Государственной думой. Н.Н. Таганцев, сын видного правоведа, члена Государственного совета Н.С. Таганцева, писал по этому поводу: «Первое время еще казалось, что власть, может быть, перейдет в руки Государственной думы, политическая физиономия которой была весьма умеренной». Из окна квартиры (а жил он рядом с Таврическим дворцом), он видел, что Таврический дворец «стал сперва, как бы центром движения» [8: с. 246]. Вокруг него все время двигались толпы народа. Ему вторил А.Ф. Керенский, который писал о том, что «к исходу 27 февраля... Таврический дворец стонал и вздрагивал от могучих ударов людских волн. Снаружи он более напоминал военный лагерь, нежели законодательный орган». Однако, как с горечью констатировал Н.Н. Таганцев, «очень скоро выяснилось, что возлагать надежды на это правительство не приходится, так как никакой реальной силы оно не имело и само постепенно все больше и больше попадало под власть Совета рабочих и солдатских депутатов ярко красного направления» [3: с. 124].

В первые дни своей работы Временный комитет развил бурную деятельность. Прежде всего, комитетчики озаботились установлением контроля над аппаратом государственного управления. Были сняты с должности

царские министры, которых до образования нового правительства должны были замещать комиссары из состава Думы.

Как видим, систему государственного управления Российской империи начали разрушать думские либералы. В период с 28 февраля по 2 марта ими было назначено 38 комиссаров, 33 из них — в правительственные институциональные органы [2: с. 133]. Эту практику продолжило Временное правительство, которое в первый месяц своего существования неоднократно прибегало к практике назначения комиссаров. Всего же в феврале – марте 1917 года комиссарские мандаты от Временного комитета в государственные учреждения, войсковые части, губернии и уезды получили 122 человека, включая 119 парламентариев четвертого созыва [2: с. 46–47]. Довершат уничтожение системы государственной власти и управления большевики, которые придут к власти в октябре 1917 года.

Временный комитет Государственной думы фактически стал источником власти для Временного правительства. Декларация о создании правительства от 3 марта начиналась со слов: «Временный комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти. Для этой цели Временный Комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью...» [5: с. 123]. Первым свою подпись под данной декларацией поставил последний председатель Думы М.В. Родзянко, который полагал, что нижняя палата существует и стоит выше правительства [6: с. 13–20].

Если говорить о происхождении первого состава Временного правительства, то становится понятно, что его «думское начало» не оставляет сомнений. В состав «первого общественного кабинета» вошли Г.Е. Львов, П.Н. Милюков, А.И. Гучков, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов, А.А. Мануйлов, В.Н. Львов, А.И. Шингарев, А.Ф. Керенский. И в последующее время думцы и выборные члены Государственного совета являлись важным источником кадрового пополнения Временного правительства. Должности министров и их заместителей в разных составах правительства получили более 30 парламентариев.

Для либералов, принимавших непосредственное участие в отречении императора и формировании новой власти весьма важным был вопрос ее легитимности. В этой связи при составлении формулы отказа от престола Михаила Александровича думскому лидеру националистов В.В. Шульгину удалось внести указание на то, что Временное правительство возникло по почину Государственной думы. Его оппонент, кадет В.Д. Набоков, добился включения в текст документа слов о том, что правительству принадлежит «вся полнота власти», подразумевая и законодательную, и исполнительную ветви. Этот подход в деятельности правительства настойчиво проводили А.Ф. Керенский,

П.Н. Милюков, В.Н. Львов. По мере усиления позиций умеренных социалистов во Временном правительстве такой взгляд приобретал абсолютный характер.

Подведем итог. События февраля 1917 года стали звездным часом российских либералов, прежде всего тех из них, кто обладал статусом депутата Государственной думы. Позднее, оценивая свою причастность к свершившейся революции, они говорили: «Государственная дума, сконцентрировав ярким прожектором на правительстве свои лучи, выясняла с непререкаемой ясностью для всей страны дефекты этой власти, невозможность дальнейшего такого управления... И поэтому, господа, нам от этой революции не отречься, мы с ней связаны, мы с ней спаялись и несем за нее моральную ответственность». По их собственному признанию: «...случилось то, что произошло 27 февраля, — в этот момент Государственная дума впервые как народное представительство почувствовала почву под собой. Она впервые почувствовала возможность стать во главе народа» [7: с. 21–23, 44].

Нерешительность, сомнения, а возможно, и боязнь взять в эти непростые дни ответственность за страну на себя вынесли депутатов Государственной думы и ее либеральных лидеров за скобки политических событий февраля 1917 года. Никаких реальных действий в дни, когда вооруженные толпы собрались под стенами Таврического дворца и ждали, что же решат господа депутаты по вопросу о власти, Дума предпринять не решилась. Экзамен на «аттестат государственной зрелости» [7: с. 37], по их собственному признанию, Государственная дума и ее лидеры не выдержали.

Точно так же несостоятельными оказались все составы Временного правительства, которые не сумели ни придать власти характер устойчивой конструкции, ни приступить к каким бы то ни было реформам, ни выступить хотя бы с декларативными лозунгами (о войне, о земле и др.), которые так ждало российское общество. Это предопределило исход.

Литература

1. Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографический отчет. Пг.: Государственная типография, 1917. 4386 стб.
2. Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 года. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2001. 478 с.
3. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М.: Республика, 1993. 384 с.
- 3а. Кирьянов И.К. Государственная дума в 1917 году // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2002. Вып. 3. С. 105–115.
4. Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. 208 с.
5. Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань: Частное изд-во П.А. Трибунского, 2002. 276 с.
6. Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М.: Изд-во ИКАР, 2002. 368 с.

7. Стенографический отчет заседания членов Государственной думы первого, второго, третьего и четвертого созывов. Четверг, 27 апреля 1917 г. Пг.: Государственная типография, 1917. 44 с.

8. *Таганцев Н.Н.* Из моих воспоминаний. (Детство. Юность) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997. 399 с.

9. *Чубинский М.П.* Год революции. (1917). (Из дневника) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997. 399 с.

Literatura

1. Gosudarstvennaya дума. Sozy'v IV. Sessiya V. Stenograficheskij otchet. Pг.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1917. 4386 stb.

2. Zhurnaly' zasedanij Vremennogo pravitel'stva: mart – oktyabr' 1917 goda. T. 1. M.: ROSSPE'N, 2001. 478 s.

3. *Kerenskij A.F.* Rossiya na istoricheskom povorote: Memuary'. M.: Respublika, 1993. 384 s.

3а. *Kir'yanov I.K.* Gosudarstvennaya дума v 1917 godu // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2002. Vy'p. 3. S. 105–115.

4. *Mansy'rev S.P.* Moi vospominaniya o Gosudarstvennoj dume // Strana gibnet segodnya: Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M.: Kniga, 1991. 208 s.

5. *Nikolaev A.B.* Gosudarstvennaya дума v Fevral'skoj revolyucii: ocherki istorii. Ryazan': Chastnoe izd-vo P.A. Tribunskogo, 2002. 276 s.

6. *Rodzyanko M.V.* Krushenie imperii i Gosudarstvennaya Дума i fevral'skaya 1917 goda revolyuciya. M.: Izd-vo IKAR, 2002. 368 s.

7. Стенографический отчет заседания членов Государственной думы' первого, второго, трет'его и четвртого созы'vov. Четверг, 27 апреля 1917 г. Пг.: Государственная типография, 1917. 44 с.

8. *Tagancev N.N.* Iz moix vospominanij. (Detstvo. Yunost') // 1917 god v sud'bah Rossii i mira. Fevral'skaya revolyuciya: ot novy'x istochnikov k novomu osmy'sleniyu. M.: IRI RAN, 1997. 399 s.

9. *Chubinskij M.P.* God revolyucii. (1917). (Из дневника) // 1917 god v sud'bah Rossii i mira. Fevral'skaya revolyuciya: ot novy'x istochnikov k novomu osmy'sleniyu. M.: IRI RAN, 1997. 399 s.

***O.G. Malysheva,
A.V. Fateev***

Liberals and Their Role in the Formation of the Provisional Government

The article deals with the issues of origin, formation and evolution of the system of political relations between the Interim Committee of the State Duma and the Provisional Government.

Keywords: State дума; parliamentarism; liberals; revolution; the Provisional government.